

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багратион, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лядина, А. Сельянинова, М. Сельянинова, М. Субоцкого, М. Серебрянского, М. Чарова, Е. Успенко.

ЦЕНА 20 КОП.

23

СЕНТЯБРЯ

1933

44 (299)

ПОМОЖЕМ ПОЛИТОТДЕЛАМ В БОРЬБЕ ЗА КУЛЬТУРНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Огромное большевистское дело делают в деревне политотделы МТС и совхозов. С необходимыми усилиями, со всей неиссякаемой энергией большевистского осуществления они решают являть племени ЦК и ЦКК о работе в деревне, дерутся за укрепление колхозного строя, за рост и мощь социалистического сельского хозяйства. Работа политотделов МТС и совхозов подлинно героична, лучшие большевики посланы в политотделы, их работа и жизнь достойна кисти и пера лучших наших художников и писателей. Тов. Стецкий на пленуме оргкомитета обратился с призывом к писателям показывать дела и людей политотделов, создавать художественные произведения о МТС и совхозах, показывать во всю широту первый год работы политотделов в деревне. Печатаемые в этом номере «Литгазеты» письма начальников политотделов показывают, что писатели там ждут, что им будут созданы все условия для творческой работы, что они будут желанными участниками работы политотделов. Не нужно со всей прамотой сказать, что писатели не торопятся, что они слишком медленно раскачиваются на это замечательное дело. А время идет и уходит, уходит такие этапы первого года работы политотделов, как весенний сев, уборка урожая, как борьба за урожай будущего года. Со всей страстностью писателя-большевика изучает Т. Панферов, эти большие дни и огромные дела, лишь изредка нависаясь в Москву. Тов. Шолохов все время живет на Сев. Кавказе, своими руками прорабатывая колхозную жизнь. Пролетарский писатель Ставский, сотрудник «Правды», активно участвует в борьбе за социалистическую перестройку деревни, получая большой творческий материал. Ваа. Катаев, при поддержке и при помощи «Правды», почти три месяца пробыл в Синеельниковском районе, специально занимаясь изучением работы политотдела. С. Третьяков, опытный по ваданию «Правды», также выехала непосредственно на места боев за урожай, за колхозный строй. А. Завалишин и М. Россовский работали в политотделе подшефной МТС. Такие примеры не единичны, но все-таки их мало. Мало еще писателей в политотделах, мало еще художников слова, погруженных по-настоящему в эту большую и творчески радостную работу. Первый с/езд

советских писателей должен быть встречен десятками книг о политотделах.
Но это—одна сторона участия литераторов в строительстве колхозного строя, в работе политотделов. Нужно также помочь политотделам в борьбе за культурную революцию в деревне, нужно оказать им настоящую помощь. Здесь наши издательства проявляют недопустимое отставание. Прошло почти три четверти года после создания политотделов. За это время нами проведена огромная работа. А наши издательства? Они не только не приняли всех необходимых мер к освещению этой замечательной работы средствами художественного слова, но они не сумели издать нужную литературу. Прочтите письма начальников политотделов, в частности письмо т. Подольского в этом номере «Литгазеты». Дайте пьесы, дайте агитационный репертуар, дайте хорошие кинокартинки! Но их нет, этих пьес, прикрепленные к политотделам кинопередвижки не получают хороших или хотя бы просто удовлетворительных картин. Почему ГИХЛ, имеющий у себя театральные сектора, не дал политотделам ни одного сборника агитационной литературы, ни одной специальной пьесы? Почему и все другие издательства проявляют здесь недопустимую медлительность. Мы печатаем в этом номере обещания издательства, их заверения, что они сделают, издают, печатают необходимую политотделам литературу. А что уже сделано? Очень немного, очень мало, крайне недостаточно. Но ведь политотделы работают не обещаниями, они делают живое дело. И нужны им тоже не обещания, а живая помощь. Учтите у «Правды», товарищи-издатели художественной литературы и пьес. Учтите у «Правды», организовавшей, например, немедленно после решения о политотделских газетах специальную и крайне полезную консультацию о газетах в политотделах.
Мы требуем от издательства (ГИХЛ, «Советская литература», МТП, ЛТД), чтобы они не только выполняли свои обещания, установив, в частности, персональную ответственность за каждый участок этого дела, но чтобы они еще более усилили свою работу в этом направлении.
Больше инициативы, больше живого дела, больше практической помощи политотделам!

И. Френкель

РАССВЕТ В БУМАИРЕ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТОТДЕЛА ЯЛУТОВСКОЙ МТС

Помещаемое ниже письмо начальника политотдела тов. И. Френкель об одном из эпизодов работы политотделов живо рисует обстановку и методы подлинно большевистского руководства в деревне.

Через поля в туманных напывах, наполненные неутоленным ветром, мы проносимся, подпрыгивая в кабине трехтонного АМО, и мой заместитель т. Завалишин. Жаром встает от мотора.
Перед мостиком на полумесяце висит коварная колея, где мы дошли и до лосады буксем. Шлофер бежит в рощу, фыркая и осыпая росу, и возвращаясь с охаживкой ведок—подложит под колесо.
Мы помогаем мотору вытащить грузиков на мост. Уже три часа—надо спешить во-всю. Сгинув пару зацепов, появление которых вызывает в нас охотничий азарт, грузы вырываются в молчаливый поселок.
Оттого, что нет людей на улице и закрыты все ставни, кажется—здесь много темнее, чем в поле. Бумаир.
Колхозники переводят это слово длинно и символично: «Узенькая речка будет большой, широкой водой». Так называется колхоз, куда мы приехали.
Шурша плащами, мы выходим из кабины. Шлофер включает скорость, кучка машин скрывается за поворотом, мы с Завалишиным поднимаемся по ступенькам и стучим в двери правления. Через полчаса старик татарин выпускает нас в комнату, где еще темнее, чем на улице.

Мы ошупью находим лампу, и пока я вожусь со спичками, Завалишин засыпает, положив на стол руки и голову. Это уже третья ночь без сна.
Сейчас здесь начнется собрание коммунистов и комсомольцев Бумаира, посвященное перестройке парторганизации.
Коммунисты не были предупреждены о собрании, но на призыв политотдела через 20 минут все сходится к качающемуся столу правления.
Сельская ячейка, существовавшая до этой ночи и объединявшая коммунистов трех колхозов, почти бездействовала. Весенний сев шел через головы коммунистов, самостеком.
— Бумаир не может больше оstarbваться узеньким, слабым ручьем,—говорит собравшийся.— Помогите нам начать работу по-настоящему. Здесь просыпается Завалишин и свертывает папиросу. Беседа идет тихо, впоодаль. Собрание смачивает на конспиративно.
Выступает маленький узкоплечий бригадир:
— Плохо выходит на прополку. Лю каких пор?..
— Что делать с плотниками и сапожниками? Они у нас числятся в полевой бригаде. Как учитывать их труд?
Подымается шум. Все кричат, размахивая руками. Ждутуюти на нервозности в организации труда.
Теперь собрание походит на дискуссию в штабе перед боем. Переустриваем бригады, выделяем хозяйственное звено и намечаем ему групповую.
Становится светло. Лампа остается гореть для прикуривания.
Завалишин разъясняет задачи новой ячейки в предстоящей уборке хлеба, говорит о роли коммунистов в колхозном производстве. Я рассказываю о работе политотдела.
Завалишин рассказывает о коммунистах и комсомольцах по звеньям.
— Ну, Юртубаев, теперь ты—секретарь, хозяин ячейки..
За окном возникает сначала шорох, а затем рев автомашин. Пять часов, тут же лампу. Мы видим, что в комнате сидит сверх вызванных еще добрый десяток слушателей.
— Поздно, товарищи— Давайте сейчас же приступайте к работе..
Идет жвава. Звеню Темизгазиевой вылет так, что после его труд-но найти на живитве оброчный колос.
Колхоз посматривает четырех человек учиться в сельхозтехникум.
Юртубаев—на курсах пропагандистов.
Бумаир становится широкой дорогой.

С. Подольский

Нач. политотдела Бутнинской МТС (Урал)

НАМ НУЖНЫ ПИСАТЕЛИ, АКТЕРЫ, ПЬЕСЫ, КАРТИНЫ

С величайшим интересом прочел я о том, что т. Стецкий обратился к писателям с призывом показывать дела и дни политотделов МТС и совхозов.
Правильно поступил т. Юдин, посвятив этому большому делу свою статью в «Литгазету», в которой я спешу присоединиться, как и к письмам моих товарищей—начальников политотделов.
Великие, незабываемые и неповторимые дни переживает колхозная побеждающая деревня. Трудно найти слова, чтобы рассказать о тех процессах, которые происходят в глубинах глубин справедливых масс. Нужны полные справедливости и яркости образы искусства, чтобы в вечность записать образы прекрасных людей, в огромных противоречиях, преодолевая трудности, перестраивающих жизнь миллионов.

Вот Михаил Петрович Береснев—председатель коммуны «Красный май». Огромный, медвежий ухватки человек. Суровый и молчаливый. Ясные и голубые глаза молодому освещают бородатое лицо. Он мажорометен, а управляет, руководит огромным хозяйством (не у всякого помещика было такое). Сложное, технически оснащенное (тракторы, молотилки, грузовики) нашей МТС работают на полях его коммуны) хозяйство—и все это—в голове, а счет ведет своими знаками. Кандидат партии. Энтузиаст, ударник. Всюду, везде и всегда чувствуется его уверенность и твердая рука. Смело и решительно ведет он коммуны вперед. Он—солдат гвардейского Преображенского полка до войны. Был в старом Петербурге. Прошел войну. Георгиевский кавалер. Участник Февральской и Октябрьской революций. Затем хлебоборьбедяк. И, наконец, первым вошел в коммуны. Ее верный член и теперь руководитель.
Или бригадир Трофим Иванович Збролов (коммуна «Память Ленина») —неграмотный ворс, и его 15-тилетний «секретарь» Ваня Квашин. И как много их, этих героев, побеждающих мир! О них надо рассказывать. Их образы закрепить в памяти многих поколений, которым станут великодушные плоды нашей борьбы. Какая заманчивая и благодарная задача для наших писателей!
И потому клич, брошенный «Литгазетой» — «Писатели, в политотделы!» — должен найти отклик. И он найдет его. Лучшие будут у нас в колхозах, МТС.
Я обязуюсь посланному ко мне товарищу писателю создать все условия для его работы. Мы, работники политотдела, сможем найти ему интересную работу и помочь в его творчестве. Но не только писатель нужен в политотделе.

Работники театрального искусства должны подхватить призыв «Литгазеты». Если бы вы, товарищи, видели, какая огромная жажда и тяга к искусству у разоруженных и быстро растущих колхозных масс..
К нам в политотдел приехала агитбригада из Талиды (районный центр). 11 рабочих-режиссеров с собой горючий энтузиазм, огромное желание, и полную техническую беспомощность и наивность. Но когда кочью в поле, в стану, Совхозная тематика выпадает из нашей пролетарской литературы, а если стало бы поставив в центре внимания, выполняю одну из основных директив т. Сталина о том, что во главе, становимся крестом перестройки сельского хозяйства должны идти и идут совхозы.
Лично являюсь, как под влиянием мощной насыщенной техники в совхозах передвывается, буквально перерождается на глазах человек. ПОСТАВИТЬ ЭТУ ПРОБЛЕМУ В ЛИТЕРАТУРЕ НАДО, это необ-

Я считал бы необходимым приезд небольшой группы писателей (в частности товарищей, с которыми я занимался до отъезда в политотдел в Институте красной профессуры, Исаба, Суркова и др.) в наш зерносовхоз, крупнейший совхоз, засевавший больше всех в крае. Совхоз имеет 212 тракторов, 92 комбайна, более полусотни автомашин. Думаю, что такой состав не может не заслужить внимания писателя.
Мы, политотделы, ОБЕЩАЕМ ОБЕСПЕЧИТЬ НОРМАЛЬНУЮ РАБОТУ ТОВАРИЩАМ, КОТОРЫЕ ПРИЕДУТ.
Еще один вопрос — о критическом анализе о вышедших и выходящих книгах на темы деревни «БРУСКИ», «ТИХИЙ ДОН», «НЕНАВИСТИ» и т. д.)
По-моему надо провести читательские конференции об этих книгах и на основе этого материала дать статью, ВСЯ БЕДА, ОДНАКО, В ТОМ, ЧТО ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ДО ДЕРЕВНИ НЕ ДОХОДИТ. Факт такой, что не только крупнейший в крае Балахтинский зерносовхоз не имеет никакой художественной литературы — ее не имеют также и окружающие колхозы. А ТЯГА К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ У ПЕРОВОДЫХ СОВХОЗНЫХ РАБОЧИХ ОГРОМНА.
МОИ ЗАЯВКИ НА ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ МОСКОВСКИМИ ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ НЕ ВЫПОЛНЯЮТ.
Нельзя будет, если «Литгазета» установит особый контроль за продвижением художественной литературы в деревню.
Д. Шумаков

Колхозники одного из колхозов на Квешине получают книги в своей библиотеке. (Созофто).

они демонстрировали свое «умение» — притановали, то их наивное, примитивное зрение волновало и увлекало колхозников. Скоро эти увлеченные примитивом пройдут. Потребуется более серьезное и глубокое искусство. Кто ответит на эту потребность? И потому нам очень нужны преданные, готовые самоотверженно работать инструктора самодеятельности.
Необходимы и хорошие кинокартинки. Когда в Москве я бывал на диспутах в кино, я не представлял себе, какой огромный разрыв существует между острой нуждой масс в хорошей кинокартинке и тем, что дает им Совкино. К нам пришла кинопередвижка и привезла картину «Флаг науки». Я был на просмотре ее в поле в бригаде и очень сердился. Кому она здесь в бригаде в разгар уборочных работ нужна? Надпись на английском языке. Импрессионистские кадры, еще кое-как понятные в городе, здесь производят обратное и очень вредное впечатление. Если бы т. Шумацкий, Плетнев послушали замечания колхозников об этой картине..

хотимо тем более сейчас, когда политотделы обеспечивают еще быструю передачу людей.

Нач. политотдела Суминской МТС

СОЗДАДИМ ИСТОРИЮ МТС!

Прочитав передовую «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» от 23 августа, я считаю, что наряду с посылкой писателей в МТС и совхозы для создания художественной литературы НАДО УЖЕ НАЧАТЬ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ МТС, так как по свежим, горячим стопам легче ее создать.
ИСТОРИЮ МТС НАДО НАЧАТЬ СО СЛОВ ВОЖДА НАШЕЙ ПАРТИИ Т. СТАЛИНА, сказанных на XV съезде партии, где он, касаясь опыта первой в Совхозном союзе ШЕВЧЕНКОВСКОЙ МТС. В написании истории МТС большую помощь окажут политотделы.

ДАТЕ СОВХОЗНУЮ ПЬЕСУ!

Работая в драмкружке при клубе зерносовхоза «Тракторист», мы находим пьесы из жизни совхозов. Приходится ставить первые попавшиеся пьесы, которые косвенно не отражают совхозной жизни. Огромные фабрики и громадные коллективы рабочих не могут выдать своей жизни на сцене. Мы просим редакции, культотдел нашего союза и политуправление

Наркомсовхозов, чтобы они организовали это дело. Снабдите нас пьесами, инсценировками и репертуаром малых форм вообще. Mobilизуйте на это важное дело инсценаристов и драматургов!
Члены драмкружка при клубе зерносовхоза «Тракторист»: БОРОДКИНА, САХНОВ, БУЗАЕВ

А. Корлов

Нач. политотдела Мерзугалинского маслосовхоза

ЗА КНИГИ СОВХОЗУ И О СОВХОЗЕ

Табор одной из посевных бригад Мерзугалинского маслосовхоза. Эта бригада систематически не выполняла нормы выработки по пахотам и боронкам. Наряду с мероприятиями по ликвидации прорыва работников политотдела организована читка художественных произведений. Первыми читали стихи Безыменского «Большевики». Они вызвали всеобщий интерес у слушателей. Пожилая рабочая сравнила парку «эмежаназию» сибирского сельского хозяйства с большевистской индустриализацией.
ПОСЛЕ РЯДА ЧИТОК, главным образом стихов Безыменского (он более близок и понятен нашему читателю-слушателю), НОРМЫ НАЧАЛИ ВЫПОЛНЯТЬ. В ЭТОМ, ПОНАШАЕМУ, БОЛЬШУЮ ЗАСЛУГУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА БЕЗЫМЕНСКОГО. При появлении работников политотдела рабочие спрашивали: «Сегодня будем читать стихи?» Это один только пример. А сколько таких примеров во всем совхозе? Тысячи.
Позволю себе поставить несколько вопросов.

ПИСАТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОПЛАТИТЬ СЧЕТ СОВХОЗНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, ДАТЬ ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ О БОЛЬШЕВИСТСКИХ СОВХОЗАХ. В совхозах для писателей имеется неплохой арсенал героических картин.
По-моему, «Литгазета» должна далее взять на себя инициативу по сбору среди писателей

художественной литературы для пополнения совхозных библиотек.
Наши издательства издают хорошие книги. Но ЭТИ КНИГИ НЕДОСТУПНЫ ШИРОКОМУ ЧИТАТЕЛЮ. Шутка-ни: сборник стихов Безыменского «ЛУЧШИЕ СТРОКИ» стоит 6 рублей. СОВХОЗНО-КОЛХОЗНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖДЕТ ОТ ПИСАТЕЛЕЙ И ЧИТАТЕЛЕЙ ОХОШЕЙ И НЕДОРОГОЙ КНИЖИКИ!
Выпустили несколько изданий «Поднятой целины». Последнее издание се вышло на днях в 100 тыс. экземпляров по рублю экземпляра. На днях выходит в массовом издании третья часть «Брусков» («Твердой поступью») — 100.000 экз. В ближайшем декдаде выходит в массовом издании «Делом» Горбунова — 50.000 экз. До конца года выйдет первая часть «Кинжик-гривенников» — по 500.000 экз. Сюда войдут обработанный в самостоятельном рассказе отрывок из «Поднятой целины», обработанный в самостоятельном рассказе отрывок из III тома «Брусков», рассказ Афиногена «Лиза Сорочкина» (о передаче человека в процессе социалистического строительства), рассказ Ставского «В плавании» (о классовой борьбе в деревне), рассказ в стихах «Мать» Н. Дементьева. Кроме того выходит рассказ Новикова-Пробоя из 2-й части «Лусицы».
В 1934 году намечено выпустить для деревни: 500.000 экземпляров «Поднятой целины», 200.000 экз. трех томов «Брусков» и ряд других книг. В течение года выйдет 25 «кинжик-гривенников» в миллионном тираже каждая. Для обеспечения высококачественных произведений для «кинжик-гривенников» нами объявлен конкурс на художественное произведение в размере I листа. Выделено 10.000 руб. для премирования рукописей.
Одновременно издательство объявляет конкурс на художественное произведение о политотделе МТС или совхоза. Для премирования рукописей выделено 20.000 руб.
Учитывая растущие потребности колхозного читателя в хороших и дешевых изданиях, «Советская литература» соответственно построила свой план на 1934 г. На выпуск книг для деревни издательство отводит ориентировочно 30 млн. листов-оттисков, что составляет 60 процентов всего годового листажа.
Пред. правления издательства «Советская литература» Г. ЦЫПИН

ОБЕЩАНИЯ ДАНЫ, НУЖНЫ ДЕЛА

ДАДИМ ПЬЕСЫ ДЛЯ ПОЛИТОТДЕЛОВ

Редакционный совет МТП обсуждал выданный «Литгазетой» вопрос об издании колхозных пьес для политотделов МТС. Откликнулся на призыв нач. политотдела МТС создать колхозные пьесы для политотделов, РЕДСОВЕТ ПОСТАНОВИЛ ВКЛЮЧИТЬ В ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН МТП НА 1934 ГОД ИЗДАНИЕ НЕ-

СКОЛЬКИХ ТАКИХ ПЬЕС как из числа уже имеющихся, так и пьес, которые будут написаны. МТП заключит ряд договоров с драматургами на издание колхозных пьес.
МТП обращается к советским драматургам с призывом издать работу политотделов МТС и написать для издания пьесы о новой деревне.
А. СУББОТИН.

«СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» КОЛХОЗНОМУ ЧИТАТЕЛЮ
Огромный спрос, предъявляемый колхозным читателем на произведения художественной литературы, потребовав от издательства «Советская литература» выпуска в середине нынешнего года в больших тиражах дешевых изданий наиболее выдающихся произведений художественной литературы.
Выпустили несколько изданий «Поднятой целины». Последнее издание се вышло на днях в 100 тыс. экземпляров по рублю экземпляра. На днях выходит в массовом издании третья часть «Брусков» («Твердой поступью») — 100.000 экз. В ближайшем декдаде выходит в массовом издании «Делом» Горбунова — 50.000 экз. До конца года выйдет первая часть «Кинжик-гривенников» — по 500.000 экз. Сюда войдут обработанный в самостоятельном рассказе отрывок из «Поднятой целины», обработанный в самостоятельном рассказе отрывок из III тома «Брусков», рассказ Афиногена «Лиза Сорочкина» (о передаче человека в процессе социалистического строительства), рассказ Ставского «В плавании» (о классовой борьбе в деревне), рассказ в стихах «Мать» Н. Дементьева. Кроме того выходит рассказ Новикова-Пробоя из 2-й части «Лусицы».
В 1934 году намечено выпустить для деревни: 500.000 экземпляров «Поднятой целины», 200.000 экз. трех томов «Брусков» и ряд других книг. В течение года выйдет 25 «кинжик-гривенников» в миллионном тираже каждая. Для обеспечения высококачественных произведений для «кинжик-гривенников» нами объявлен конкурс на художественное произведение в размере I листа. Выделено 10.000 руб. для премирования рукописей.
Одновременно издательство объявляет конкурс на художественное произведение о политотделе МТС или совхоза. Для премирования рукописей выделено 20.000 руб.
Учитывая растущие потребности колхозного читателя в хороших и дешевых изданиях, «Советская литература» соответственно построила свой план на 1934 г. На выпуск книг для деревни издательство отводит ориентировочно 30 млн. листов-оттисков, что составляет 60 процентов всего годового листажа.
Пред. правления издательства «Советская литература» Г. ЦЫПИН

ГИХЛ даст пьесы и методпособия

ГИХЛ даст во втором полугодии 1933 года сверх плана 37 книг классиков и современной художественной литературы в специальной серии «Книгу — социалистическое деревне» с большим тиражом (подавляющее большинство книг — 50—100 тысяч экземпляров).
В эту же серию включено пять пьес (тираж по 15—20 тысяч). Пьеса Чуркина «Прорыв в любовь» еще вышла (тираж — 18.000), пьеса «Собственность» («Родная») выходит на днях (тираж — 18.000), пьеса Ставского и Павловича «Разбег» выходит на днях, пьеса Бякина «Архинов» дана в производство, пьеса Чуркина «Поднятая целина» по роману Шолохова (вариант из деревенских сцен) подготовлена к печати.
Кроме этого ГИХЛ заключил три договора на написание новых пьес для деревни. До конца этого года завершена бумага для сдачи в производство 7-8 пьес (25 печатных листов) тиражем 20—25 тысяч. В IV квартале начнем изданием две методические брошюры для деревенских драмкружков.
Продолжал решительно бороться за добросовестный репертуар, ГИХЛ уделяет большое внимание созданию высокохудожественных пьес и малых форм для инвовой деревенской зрелищной сети. В тематическом плане на 1934 год из общего количества листажа по сектору искусства, театра и кино в 3.890.000 листов-оттисков на издания деревенского репертуара отводится 2.089.000 листов-оттисков и, сверх того, 225.000 листов-оттисков на методическую литературу для деревни.
Главная редакция ГИХЛ призывает квалифицированных драматургов, драмсекино Оркомитета ССП и ЦИДСК помочь издательству в создании высокохудожественных пьес.
Главный редактор ГИХЛ — И. ФРОЛОВ

Мне повезло работать в колхозе МТС.
ОБЯЗУЮСЬ НАПИСАТЬ В 1934 ГОДУ ПЬЕСУ О ПОЛИТОТДЕЛАХ, УДАРНИКАХ-КОЛХОЗНИКАХ, О НОВОЙ ЖИЗНИ И НОВЫХ ТИПАХ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ.
Вызвало Ф. ВАГРАМОВА, А. УСПЕНКОВА, А. СУББОТИНА, Ф. ПЕРСОНОВА и НАБАТОВА откликнулся на призыв политотделов МТС создать пьесу о новой деревне.
А. ЗАВАЛИШИН.
Я закончил пьесу «ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ» на тему о перестрой-

не деревни на базе коллективизации и работы МТС.
В ответ на призыв политотделов МТС создать пьесы для политотделов и на вызов А. Завалишина обязываю в 1934 году написать одну двухактную пьесу о работе политотделов МТС.
ОТ РЕДАКЦИИ. «Литгазета» убеждена, что т. Завалишин и Субботин — только первые зачинщики этой огромной важности дела. Мы ждем дальнейших обязательств от т. В. Катаева, В. Кирилова, Н. Подольского, А. Глебова и всех писателей, изучающих колхозную и совхозную действительность.

Пять горьковских спектаклей В ТЕАТРАХ МОСКВЫ

Пять московских театров в этом сезоне ставят пьесы А. М. Горького. На протяжении двух месяцев (октябрь—ноябрь) московский зритель увидит в новых постановках: «Егор Булычев и другие» — МХАТ СССР им. Горького (режиссер В. Г. Сахновский), «В людях» — Инсценировку П. Сухомлина по рассказам Горького — в филиале МХАТ СССР (режиссер М. Н. Кедров); «Достигаев и другие» — в театре им. Вахтангова (режиссер Б. Е. Захаров); «Враги» — в Малом театре (режиссер К. Хохлов) и в театре им. МОСПС (режиссер А. Рубин); художественный руководитель Е. О. Любимов-Ланской).
Постановщики спектаклей сходятся в оценке пьес Горького на одном — на богатстве и яркости литературного материала драматурга Горького и громадной социальной значимости художественных образов его героев.
— Пьеса Горького «Враги» для нас особенно привлекательна тем, что в ней глубоко и ярко вскрыта психология тех двух общественных классов, борьба которых окрашивает эпоху перед революцией 1905 года и последующих лет. На советской сцене прошло много пьес, посвященных событиям того времени. Но среди этих пьес не было ни одной, которая рассказала бы нам с такой полнотой и убедительностью, как «Враги», о мыслях и чувствах наших людей, принимавших ближайшее и непосредственное участие в этих событиях. Горький в своей пьесе дал богатейший материал для правильного понимания социально-психологических основ тактики пролетариата в революции (К. Хохлов).
— Заинтересовали нас во «Врагах» приписки Горькому замечательный язык, абсолютная законченность образов, мастерский показ эпохи, а также глубокая вера в силу рабочего класса, предвосхищение его дальнейших побед. Это было проделано Горьким не случайно, а на основе точного марксистского анализа. Тем ближе, тем дороже нам Горький (Е. О. Любимов-Ланской).
— Постановку пьесы «Егор Булычев и другие» МХАТ СССР рассматривает в плане большого и глубокого академического спектакля. Этот академизм продиктован оценкой произведения А. М. Горького как произведения подлинного пролетарского классика. Отсюда отношение театра к целостности текста пьесы: никакие перемены и нарушения архитектоники не считаются невозможными. Мы придаем громадное значение в постановке подаче текста (слушанию языка) Горького (В. Г. Сахновский).
Не только драматургические, но и повествовательные произведения А. М. Горького привлекают большое внимание наших театров.
В конце сентября филиал МХАТ СССР покажет премьеру — горьковский спектакль, названный театром «В людях». Это — театральная композиция отрывков из произведений А. М. Горького.
Тема спектакля — канун 1905 года в царской России. Театр ставит своей задачей показать социальную обстановку труда в условиях капиталистическо-полицейского режима.
Отдельные сцены — куски из жизни центрального персонажа спектакля — Алексея, он же — Самородок, он же — Грохолов. Алексей случайно попадает к пьяной проститутке, ласкающей Фроляке, где

под впечатлением своего посещения вспоминает собственное детство (I акт — первая и вторая картины: рассказы «Страсти-мордасти» и отрывок из «Детства»). Затем мы видим его (в первой и третьей картинах — II акта) работающим в пекарне (рассказы «Хозини» и «Двадцать шесть и одна»). Между этими картинками — сцена у городского Инквизитора, образ которого взят из «Моих университетов». В III акте — сцена с сыщиками («Матри Кожемякин» и «Жизнь ненужного человека») и заключительная сцена спектакля — врет Алексей («Мать»)
— МХАТ СССР им. Горького в своей постановке «Егор Булычев» стремится вскрыть громадный социальный и философский смысл, а также психологическую правдивость образов и положений в пьесе Горького, — говорит режиссер спектакля В. Сахновский. Спектакль оформляет К. Ф. Юон. Его задачей для пьесы являются реальные портреты старшего кулического общества.
Пьесу Горького «Достигаев и другие» театр им. Вахтангова покажет в Октябрьские дни.
— В основе постановки второй пьесы театралогии Горького лежит же принцип, что и в «Егоре Булычеве», — отмечает режиссер В. Е. Захаров. — Принципы оформления спектакля, сценической игры, найдены в «Егоре Булычеве», должны послужить дальнейшему развитию. Содержащие пьесы еще больше, чем в «Егоре Булычеве», прорываются из узких рамок одной семьи, превращаясь в изображение широкого социального среды.
О постановке «Врагов» в Малом театре режиссер К. Хохлов говорит:

— Нашей первой задачей в работе над пьесой «Враги» является самое тщательное и глубокое изучение материала, который дан нам автором. Правильно понять и передать все мотивы, руководящие действиям горьковских персонажей; полно и разносторонне вскрыть каждый образ во всей целостности его самых противоречивых явлений, освоить образ мысли каждого и утвердить — сочувственно или осуждая — истинность его страстей и правдоподобие чувствований; привести всех в живое и естественное соотношение живых людей, живших и действовавших в конкретной исторической обстановке конца прошлого и начала двадцатого века, — для всего этого Горький дает нам богатейший материал.
— «Враги» в театре им. МОСПС, — отмечает художественный его руководитель, народный артист республики Е. О. Любимов-Ланской, — заключают цикл уже показанных нами пьес по истории революционного движения («Предательство Дегая», «1881 год», «Георгий Гапон» и «1905 год»). В своей новой постановке мы должны пересмотреть текст Горького, не нарушая стройности языка всей композиции пьесы. Оформление спектакля глубоко реалистично.
— Ввиду того, что сам Горький, как художник, вводит нас от поверхностного отношения к его материалу и требует глубокой проникновенности в его образы, эпоху и т. д., театру им. МОСПС эта пьеса позволит проверить при приеме. Принципы эти: правдивость изображения, простота и ясность выражения, искренность и страстность отношения к действительности.

СМОТР молодых писателей

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ХУДОЖНИКА

Так рождается художник. Перед ним все телота его жизненного опыта, все дни и годы, наполненные грязью и кровью, муками и страданиями, одиночеством и голодом, несвободой и рабством, светом и старым, новым. Жизненный опыт, знание прожитого, понимание увиденного, осмысление прошедшего — это формирует писателя, дает ему постановку творческого голоса. Без этого его искусство будет бесплотным и бесплодным. Вспомни Гете:

«Один взгляд на книгу и два в жизнь — вот что должно давать ему надеждающую форму».

А. Авденко хлебнул жизни с верхом, он полон ею, он знает ее. И рассказывает о ней ясным и чистым голосом, хотя столько в его первом романе от нечистоты жизни, от сумрака в ней, что удивляешься, как он выдержал этот роман и как крепкий творческий голос, как не сорвался, не психнул или не взвешивал от ужаса и страха.

Авденко вызывает образ мертвого и страстного прошлого, он с неясностью и с болью рассказывает о своем опыте за гранью семидесяти лет. Мрачная жизнь, заставляющая забыть, что перед тобой — литературное произведение, роман, книга, что не нужно волноваться, ибо все это ушло и уничтожено. Роман называется «Я люблю». Но первая часть охватывает «Ненависть». Правильное слово. Ибо погибали замечательные люди, чудесные работники, ласковые отцы, любящие мужья и матери. Погибали до конца, до последней точки, до пылинки, до ниточки. Вот бед Никанор. Гранит-капитель, выработавший больше всех, самый сильный и, самый добрый, ласковый до каждого. Но жизнь дикая, зверская, без ласк. Никанор в погоне за заработком идет в опасной забой, он два дня лежит под обвалом. И конечно, он нем говорил бывало горной Гербуз. «Сколько тепла в этом человеке, сколько пронадежды! Теперь он не скажет этих теплых слов безумцев, но еще сохранивший былую силу, старик без своих зубов, сына, невестки, он встает из-за бутылки водки, он сводит с жизнью свои неверные счеты. Схватывая слабых и ломая их кости, он дает исход своей непонятной злобе, он крутыми путями падают вниз, к жалкому, как у затравленного волка, концу. А ведь он мог бы быть настоящим человеком с человеческими отношениями и чувствами. Если бы не гиблый строй, не каторжный труд. Революционеру Гербузу это понятно: — Вот до чего хозяева доводят рабочего человека. Они посадили в его душу зло, чтобы не было, значит, между нами друзей».

Таков бед Никанор. Сын его Остан — темный, как и он: кулак на слабого, спину — перед сильным. Он оторван от детей, от семьи, он бьет и медленно убивает жену, он не видит, что его дети умирают в голоду, что выживает только один Санька, от лица которого ведется рассказ. Иной — Кузьма, которого несложные буквы азбуки привели к

«Профиздат, 1933 г. Роман печатается также в альманахе «Год шестнадцатый», № 2. Цитаты взяты по изданию Профиздата».

«Я люблю» Ал. Авденко

борьбе, к стачке, по которому нет дороги, ибо завод вырвал ему руку, схватил его расклеванной позой железа, изуродовал, вынул мозг и отбросил.

Санька отдыхает с сестрой Варей, пока и ее не схватят завод. 12 часов в день, половинь суток в грязи и на холоде. Молодость, знаящие дни!

Но молодость работницы — молодость без радости. Имя есть она, ей походит путь сомнений и

«Все пахнет распустившимися ветками вербы. Падающий неслышимым волнами туюль. Высокий лес, яркое солнце. Чисто в комнате. Чистая посуда».

Лакрировка? Мгновенное перерождение в коммуне бывших беспризорных и воров? Не спешите с выводами, у Авденко есть художественный такт. Санька борется с собой, он проходит путь сомнений и

Но страшной ценой платят за эту радость — и телом и духом, жизнью платят, делая ее покойной на смерть.

«Она шаталась потом на городском рынке, хмельная. Дружила с ворами. Лаяла по чердакам за бельем. Стояла на темных углах, моргала подбитыми глазами, обещала за потничку незведанные наслаждения».

А разве детство ее брата Саньки менее страшно? Весь мир — как промозглая осень.

«Я не способен думать. Мне ничего не хочется, ничего не жалю. Мне кажется, я весь век живу один, и у меня нет и не было никогда ни матери, ни отца, ни сестер, ни братьев. Я не умею бегать, я не умею смеяться, забыл, как плачу».

Чесотка, струпа, грязь, вши, побой, водка, голод, омерзительные слова, ударами падающие на ребенка, зверские по своей грубости. Простые названия вещей и явлений, окружающих Саньку, страшны, самый словарь романа корчится, в этих главах о ребенке писатель находит только жестокие слова.

Вторая часть называется «Рождение любви». Ей предшествуют последние главы первой части о конце ненависти, когда Санька попадает к красным на бронепоезд и на короткое время понимает сладость труда для своих товарищей, для родной страны.

Но он трусит, этот путь прощания с прошлым; перед последней точкой первой главы стоит короткий эпизод: Санька, ограбив поезд, убивает своего сообщника. На его руках — кровь, когда он начинает вторую часть «Рождение любви». В первой же главе ее всплывают новые голубые слова:

«Косабины, пока не становится металлургическим работником, а затем и машинистом на Магнитогорске. Он живет тревожной жизнью, ибо: — «А что, если не будет этой тревоги? Не будешь ли ты лежать припоспудый, пустой, без признака жизни? Не покажется ли тебе, что за стеклами никогда не наступит рассвет? Не пойдешь ли ты тогда, Александр, дорогой своего деда, рыжего Никанора Годода?»

Его тревога — за стирку, за домы, за паровозы, за чистые квартиры, за новую жизнь.

Надломилось, упало и развелось без остатка прошлое вора и убийцы, кокаинщика и беспризорника. Оно ушло и не пристает к замечательному машинисту, смелому социалистическому работнику, ударнику Александру Гододу.

Виссарион Белинский писал сердито в 1836 году: «Роман длинный, длинный, и поучительный, и чинный, прощательный бедня, действующий лишь тьма-тьмушью... У кого много лишнего времени и охоты, тот может прочесть».

Роман Авденко — и не длинный, и не чинный, и действующих лиц не так уж много. Ведь в романе всего сто сорок пять страниц. Авденко читает и первую книгу, но для романа характерны собранность, сдержанность, цельность, стройность. Достигает он этого тем, что выдумывает вещи и события, но ставит своей целью действительность, тесно связанную. Именно это, определяет тугие сюжетные узлы книги, ее крепость, Дуамо, что для первой книги — это необходимое условие, не всякий это может справиться с широким охватом действительности, как это делает, например, Пафоров в «Брусках», Федин в «Городах и годах».

С. ДИНАМОВ

МОЛОДЫЕ НОВЕЛЛИСТЫ

Павел Лин, Василий Ясенева

Чтобы добраться до сути, вам надо одолеть проволочные заграждения всяческих деталей, отсутствий, случайных эпизодов, авторских раздумий и витневательств.

Так строит свои рассказы молодой писатель Павел Лин, дебютировавший недавно небольшой книгой «Гуз». Вещи и люди в его «морских» рассказах чрезвычайно выжаты, но вещей Ясеневиной было больше, чем людей, и создается такое впечатление, словно автору самому приходится продираться сквозь гущу всех этих вещей.

И тем не менее вы читаете эти «морские» рассказы с большим интересом, потому что писателю удалось выявить то новое, молодое, свежее, чем живет советский матрос.

Качественное отличие советского моряка, участника советского строительства, от его советской раба-батошника в условиях капитализма — такова главная идея рассказов П. Лина. Очень умело и четко разоблачает он ту культуру мастеровых зарубежных моряхов, за которой слышны и рядом скрываются политическая неграмотность, отсутствие общественных интересов, низкий уровень общекультурного развития, притупление классовых чувств и инстинктов. Вместе с тем Лин очень хорошо вскрывает интерес иностранных моряхов к жизни и быту советского флота и братские чувства к нему не только со стороны сознательных передовых слоев пролетариата капиталистических стран, но даже и со стороны тех, кто отманен буржуазными и националистическими идеями. Интересно задуманы и выполнены в этом плане новеллы «Вор», «Автомат».

Манера письма П. Лина весьма своеобразна, — с этого мы и начали нашу статью. Он строит новеллы по-своему, не боясь перегружать ее лопать лишние повествования. В его манере описывать вещи и поступки людей есть много от кино и театра. Он «обгрызает» положения, освещает их проектором с разных сторон, подчас логически не выходя из рамок повествования. Иногда он «перенгрызает» (например, в новелле «Иван и Клим», где многократное появление персонажа — старый театрал — прикованный прием — перестает под конец волновать читателя). Наряду со свежими образами мы наткнулись на громоздкие метафоры и словесные выкрутасы, подтягивающие к себе все повествование. К примеру: «Его хладнокровие, умноженное на бездельствие, делало невыносимыми несколько минут, отделявших судно от столкновения с поперечным барьером»; или: «Недвигая и глухо стоявшие на приколе паровозы с потухшими топками выткнули шею труб, точно пытаясь разглядеть безумца, осмелившегося перешагнуть порог города, ушедшего криком». Частенько фраза звучит фальцетом легкой художественности, снижающей художественную упругость рассказа. Все эти недочеты — растянута деталями, перегружена лишними деталями, языковая небрежность — свидетельствуют о том, что молодой писателю предстоит еще большая работа над собой. Ему предстоит постигнуть тот секрет производства, которым владеет мастер новеллы, — умение экономно и даже скупо расхоловать запас своих слов и наблюдений, красок и метафор с тем, чтобы идея рассказа выступала наиболее ярко и убедительно. Но уже первая книга молодого писателя показывает с несомненностью, что от П. Лина можно ждать значительных достижений.

Василий Ясенева не имеет еще отдельного сборника рассказов, но уже сейчас на основании того, что он напечатал за последние год-полтора в журналах, можно судить о том, что свою деятельность в качестве прозаика этот талантливый поэт (которого, к слову сказать, наша критика никак не заметила и не отметила) начал очень удачно. Как и П. Лин, Василий Ясенева работает исключительно в области рассказа-новеллы.

У Ясенева свой голос, его рассказы самобытна органическая лирическая приподнятость, интим-

ная напевность. Лиричен не только склад его повествования, но и главная тематика его отношения к героям, к действительности. Ясенева привлекает прежде всего глубоко интимный, скрытый от других, внутренний мир человека, связь человека с природой и окружающим, его отношение к самому себе, к своим поступкам и делам... Вот фигура старого рабочего Фирса, типичная для творчества Ясенева («Волныстый клен»). Старый стол, альбомный в чудесную плоть дерева, понося под его рубанком, под его умелыми и чуткими пальцами. Глубоко лиричен и юноша в рассказе «Солнечная сторона», и влюбленные в рассказе «Слова любви», и старый рабочий в рассказе «Мир».

Но Ясенева понимает, что его лирические герои-индивидуальности через эту свою лиричность пытаются оторваться от суровой действительности, и поэтому он ставит их с действительностью и делает это подчас нарочито грубо и беспощадно. Он разоблачает их иллюзии и следит за тем как это отражается на внутреннем мире его героев. Характернее других в этом отношении уже упомянутый рассказ «Волныстый клен» (напечатан в журнале «Пролетарский авангард», № 8 за 1932 год). Тот самый старый Фирс, с благоговейным трепетом выделывающий из чудесного дерева игрушки, скрипки, выжубленный в звучание его, вынужден пойти на завод и делать там доски для швейных машин. Монотонная работа угнетает его, завод кажется ему чужим и холодным. Приходя домой, Фирс часами работает над скрипкой и беседует с бывшим человеком, музыкантом Юрковым, о смысле жизни и искусстве, об истинной радости, и контролеоложии Юрков находит доступ к сердцу Фирса.

Фирс колеблется. Но рабочий коммунист Фролов, почувывая, какая борьба происходит в душе Фирса, ведет его по заводу, показывая ему рождение машинной обшивки, раскрывает перед ним познание и радость сознательного социали-

стического труда и мощь покоренной машины, — и в грохоте заводской Фирс слышит звучащее новое мира, ту великую песню природы, к которой он всегда тянулся, и эта острая звучит болотом и жаром, достоинством и величием. Юрков, у которого он в тиши дела свою скрипку. Так происходит приобщение Фирса к коллективному труду. Так лирически разрешает автор коллизии своего героя.

Интересен в этом плане и рассказ «Враги» («Пролетарский авангард», № 7 за 1932 год) о неситском рабочем, которого пересиливает суровая правда социалистической стройки, разрушая его и разбивая его мелкобуржуазные идеи «демократической свободы и справедливости».

В «Медких рассказах», напечатанных в «Красной новине» (№ 4 за 1933 год) В. Ясенева еще более заостряет этот прием. Иллюзии, самообмане — все это разоблачается в них жестоко и беспощадно.

Лирические новеллы В. Ясенева свидетельствуют о вдумчивой и серьезной работе писателя. Но именно эта лиричность вскрывает и недочеты его творчества: стремление показать читателю наиболее красочное внутреннее мир своих тонко чувствующих героев, писатель подчас сам поддается обаянию тех иллюзий, которыми полон этот мир. Он и сам не может противостоять обаянию Фирса, молодой восторженности юности из рассказа «Солнечная сторона», и поэтому финалы рассказов звучат недостаточно убедительно. Писателя иногда до того увлекают его «душевные» герои, что он скатывается к сентиментальности, — такова новелла «Сны» (журнал «Рост», № 23-24, 1932 год). Находясь в мире для описания переживания своего героя, автор не всегда находит их для показа суровой правды нашей действительности, ограничиваясь подчас намеками и трафаретными доводами. Но нет никакого сомнения, что В. Ясенева — серьезно работающий, растущий писатель, идущий своим путем. Его новеллы уже сейчас обладают собственным звучанием.

С. ЛЕВМАН

СТАТЬИ
СЕДЬМАЯ
ВОСЬМАЯ
ДЕВЯТАЯ

С ЧУЖИХ ПОЗИЦИИ

Геннадий Гор «Живопись»

Книга Геннадия Гора «Живопись» принадлежит к произведениям, прежде всего вызывающим живейшее недоумение. Становишься ступишь, не знаешь, что это: художественное произведение, своеобразная форма методологического трактата или сборник притч-сентенций.

Не отказывая «рассказам» Гора в некоторой (сугубо стилизованной) построении, мы все же не рискуем признать за ними художественности, ибо они насквозь лишены образности, ибо их воздействие как бы нарочито освобождено от эмоциональной окрашенности. То, что иногда нет-нет, да и покажется в рассказах Гора удивительным элементарным полярным художественности, при ближайшем рассмотрении оказывается фальсификацией, подменой: или нагромождением отвлеченных логических построений символов, или чистой стилистическим ухищрением стр-р-р-рашного материалистического порядка.

Приведем типичный пример. В рассказе «Живопись» художник Колубов размышляет квартиру прозябшего его на улице своей обезличенностью «абстрактного гражданина» и наконец, находит ее. Читатель вправе ожидать некоего образного раскрытия этой «абстрактной» квартиры. На самом же деле Колубов «поднялся в четвертый этаж по лестнице, которая была не широкой и не узкой, не чистой и не грязной, не старой и не новой». Через несколько строк гражданин привел его в комнату не широкую, не узкую, не темную, не светлую, не бедно, не богато обставленную».

Этот выхолащенный, ничего общего с художественной литературой не имеющий прием нами не одобрен специально — он полагительно проназывает всю книгу. Стилизированный под глубокомыслительное шлоупе заменяет образное воплощение действительности. «Он шел и ничего не видел. И вдруг он

1 Над-ство писателей в Ленинграде, 1933.

остановился. Его руки остановились. Его ноги остановились, потому что он сам остановился» («Слава») и т. д. и т. п.

Психологические коллизии, хотя бы примитивная очерченность характера и наблюдательность в отношении типичных деталей и пр., все это наивно отсутствует в рассказах Гора.

Этот лиризм не возможности говорить о его книге как о художественном произведении. Книга носит чисто дидактический характер. Это действительно сборник сентенций-притч, посвященных живописи.

Подойдем же к этим рассказам с этой точки зрения и постараемся через искусственное нагромождение выдуманных, за волосы притянутых положений, должствующих заменить фавулу, прощупать принципиальные посылы поучающего автора.

Они очень не сложны. Рассказ «Живопись» — скучная, скребная большой порцией «таинственности», мистичности, повесть о художнике, пораженном встречным «абстрактным гражданином». Гражданин этот показан художнику когда-то виденным им провокаторм, а облик этого провокаторм нужен ему как центральный персонаж его картины. Художник следовательно попадает в три кварты (по справке адресного стола) Бородинских (фамилия «гражданина»). И вот на тридцатой странице, в концовке рассказа из скучного нагромождения авантюрических несуровизи — рождается кулуарный дидактический вывод. Подходя к своей квартире, художник понял, что ни один из трех конкретных Бородинских не годится как тип провокаторм. Что настоящий тип этого «создания его синтетического воображения», в которое входит нечто от каждого из Бородинских. Воистину — гора родила мышь! И мышь к тому же весьма художочную, ибо этот вывод не дает главного — не говорит о творче-

ском пути превращения из «частности» в «вообщие». А путь этот — осмысление этого провокаторм через эмоционально-образное выражение мировоззрения творца художника. Провокатор «вообщие», как собирательная типовая категория, — абстракция, фикция.

В «Живописи» плохой беллетрист оказывается и плохим дидактиком. Рассказ «Окно», сыпя доказательств совершенно беспорядочный для нас, истину, что искусство должно быть действительно, а не созерцательно-построен на порочной формально-стилистической базе противопоставления «двери» (символ хода, движения) «кошку» (символ созерцания). И тут действительная мысль автора убита голой абстракцией.

Место не позволяло мне дать характеристику краткий анализ других рассказов Гора. Я хочу лишь еще остановиться на двух декларативных установках автора, как бы врезающихся непосредственно в нынешние творческие споры о живописи.

В рассказе «Живопись» Гор говорит против натурализма. Ну, что же? Это правильно. Но в своей декларации он обнаруживает полное непонимание того, что такое натурализм. Он не понимает, что натурализм не в том, чтобы похоже, пусть почти точно так, как в жизни, выписать детали, признаки (это дело мастера художника), а в том, что художник не дает своего отношения к изображаемому, что он пассивен. Гор говорит с пафосом о художнике Колубове, что «он не собрался писать ни таких платоников, которые были платониками только потому, что в их руках были топоры, ни таких партизан, которые были партизанами только потому, что у них в руках были берданки». «Выбранный им эпизод он собрался дидактически развернуть на полотне, опустив несущественное и выдвигив основное, не абстрагируя какой-либо один момент восстания, а изобразив все главные моменты, не только последовательно связанные с другим, но и друг в друга переходящие». Какая в этой цитате художничья смесь формалистских кивков на реалистические детали (у платоников в руках, очевидно, должны быть топоры, а флейты или белые лилии, что ли?) и раппортовских «диалектических» премудростей вместо образного воплощения. Бедное полотно, которое максимум на трех квадратных метрах должно выдержать «все моменты восстания», да еще не только «связанные», но и «переходящие».

Положительное credo Гора мы находим в конце книжки, в рассказе «Вмешательство живописи». Живопись вмешалась и, призывая о стен клуба, вывела идеологические идеалиста-профессора биолога. Какая живопись? Далим слово Гору: «Монументальная на стенах и молодая, написанная Бригадой Изорам!... то были вещи, переставшие быть вещами, потому что под вещами, особенно вещами домашнего обихода, мы привыкли видеть неподвижность неизменяющихся столов и стульев, тучность комодов, безличность плавательных ванн метафизической их устойчивости. То были вещи, не только увиденные, но увиденные и понятые, вещи, переходившие одна в другую, движенье машин, похоже на колесо, и сама жизнь вещей, подождающая колесо». Я пытаюсь эту интересную тираду (она занимает лина) и отсылаю читателя к стр. 151 книжки. Сказанного достаточно, чтобы убедиться в фатальном слепоте, существующем между горскими персонажем буржуазным «вещевком» — художником Шаром и самим Гором как теоретиком и методологом.

«Книжка Гора представляет собой схоластическую мешанину эклектичных, неверных теоретических высказываний и беллетристических муравьования. А жалкая художественная литература по вопросу об отношении искусства к действительности очень нужна.

ОСИП БЕСКИН

1 К сведению читателя: Изорам — талантливое обдление, сейчас находящееся во власти левацких тенденций. — О. Б.

„ВЯТСКИЕ ЗАПИСКИ“*

Эту простую, живую и яркую книжку можно назвать записками, хроникой, дневником, повестью. В ней оживла политическая пора первых лет революции.

Тело, любовно, хорошо чувствуя детали, восстанавливает В. Лебедев эту культурное явление революции. Над вятским краем, над маленьким северным городком Слободским.

Штрих за штрихом, следуя проутю последовательности пережитого, автор ведет повествование о молодости времени и дел. Рассказывая историю музея от первого его экспоната — ерға неизвестного животного, оказавшегося бивнем мамонта, Лебедев создает широкий краеведческий очерк (о вятских людях, об их искусстве и талантах), дышащий ветром революции и лирикой переживаний политический голодного и радостного.

С. ДИНАМОВ

«Вятские записки» — это не только история, но и поэзия. Это поэзия культуры, поэзия жизни.

«Вятские записки» — это не только история, но и поэзия. Это поэзия культуры, поэзия жизни.

«Вятские записки» — это не только история, но и поэзия. Это поэзия культуры, поэзия жизни.

«Вятские записки» — это не только история, но и поэзия. Это поэзия культуры, поэзия жизни.

С. ДИНАМОВ

3 РАССКАЗА*

Тема первого рассказа Бориса Пескова («Театр Серафима») — это мучительная ревность инженера-комсомольца Корнева к прижому жене.

Корнев упрекает жену в «надеянии». Это требование, бывшее «возмездием» буржуазной морали, он подкрепляет тем, что Энгельс высказывал в пользу «единобрачия».

«Кажется, я хочу сохранить прежние чувства, иначе это приведет к разрыву, тогда какое же может быть единобрачие» — рассуждает Корнев. Строительство театра отвлекает его от ревности. Здесь выступает на сцену общественный долг, но он не связан с психологическими переживаниями рассказа. Отсюда Корнев в армию — механический конвока — оставляет неразрешенным вопрос об отношении супругов. Применение ли это к прошлому? Преодоление ли ревности? Согласится ли жена потом продолжать совместную жизнь? На все это автор прямо не отвечает.

Страсть, владеющая героем второго рассказа («Страсть») — охота. Мастер, показавший образец нового отношения к труду, склоняется своего приятеля к краже типографского шрифта, нужного ему для драмы. И когда он улизывает охоту, едва не становится виновником гибели дочери. В этом рассказе ситуация проще, перестройка — очень легкая, причина ее — личная. Но и здесь не разрешено сомнение: сделав ли сознательней его отношение к общественному долгу, преодоление личной страсти?

Наконец, в третьем рассказе («Трудное дело») изображена страсть положительная — влечение ударников к литературе, приводящее к организации литкружка.

Рассказы Пескова читаются с интересом. У автора есть свой подход к явлениям, способность психологического проникновения, умение развить сюжет. Его неопытность больше всего сказывается в искусственности отдельных эпизодов и диалогов. «Страсть» — замысел, от которого можно ждать дальнейшего творческого роста.

А. КИПРЕНСКИЙ

* Борис Песков, «Страсть», изд. «Коммуна», Воронеж, 1933 г.

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ В РЕДАКЦИИ „ЛИТГАЗЕТЫ“

«Литгазета» проводит на своих страницах «Смотр молодых писателей». Но актив молодых писателей, издающихся в МТЦ, пришел в редакцию «Литгазеты», так сказать, и физически, чтобы пообщаться с волевыми теми мировоззрения и мастерства, услышать от квалифицированных писателей об опыте их работы.

Присутствовали молодые писатели Г. Максимов, Н. Некрасов, В. Кулашев, Л. Аргутинская, А. Смирнов, Л. Апатов, В. Изорам, М. Никитин, Корочкин, И. Трусов, Б. Гросман. Пришли и В. Ляди, А. С. Новиков-Прибой, П. Низовой.

С. Динамов в своем докладе поставил вопросы работы молодых писателей над прозой (слово, фабула, сюжет, композиция). Затем А. С. Новиков-Прибой рассказал о первой поре своей творческой работы.

— Писал много. Иногда смотришь — книга готова в три недели. — А больше сколько пишете? — Не больше пяти листов в год, — отвечает А. С. Новиков-Прибой. — Стаб более серьезно подходить к изучению и организации материала. Вот «Лусиум» написал только через 25 лет после событий.

К такой же серьезной работе призвал Новиков-Прибой и молодежь. После выступления артистки МХАТ СССР Н. В. Михайловской, прочитавшей отрывок из повести Новиков-Прибой «Женщина в море», поделились опытом своей творческой работы В. Ляди и П. Низовой.

Фото С. Шингарева

А. С. Новиков-Прибой делится своим опытом с молодежью

